

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.18>

Репенкова Мария Михайловна

Сюжетно-композиционные особенности романистики Хакана Гюндая

Цель исследования - рассмотреть архитектуру двух самых известных романов Х. Гюндая - "Вред" (2009) и "Еще" (2013). В статье анализируется хронотоп указанных романов, выявляется зависимость центральных образов от пространственно-временной структуры произведения, обосновывается правомерность причисления романистики Х. Гюндая к беллетризованной прозе. Научная новизна исследования заключается в том, что романное творчество Х. Гюндая впервые становится объектом аналитического исследования в отечественном туркологическом литературоведении. В результате доказано, что Х. Гюндай входит в ряд ведущих турецких беллетристов XXI в., что остросоциальная проблематика его произведений пересекается с проблемными полями других представителей национальной беллетризованной прозы (З. Ливанели, А. Умит), что при создании образов главных героев внимание автора сосредоточено на их нестабильных душевных состояниях, достигающих порой до тяжелых психических расстройств.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/6/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 6. С. 106-110. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.512.161.0

Дата поступления рукописи: 11.05.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.18>

Цель исследования – рассмотреть архитектуру двух самых известных романов Х. Гюндая – «Вред» (2009) и «Еще» (2013). В статье анализируется хронотоп указанных романов, выявляется зависимость центральных образов от пространственно-временной структуры произведения, обосновывается правомерность причисления романистики Х. Гюндая к беллетризованной прозе. **Научная новизна** исследования заключается в том, что романное творчество Х. Гюндая впервые становится объектом аналитического исследования в отечественном турецкологическом литературоведении. **В результате** доказано, что Х. Гюндай входит в ряд ведущих турецких беллетристов XXI в., что остросоциальная проблематика его произведений пересекается с проблемными полями других представителей национальной беллетризованной прозы (З. Ливанели, А. Умит), что при создании образов главных героев внимание автора сосредоточено на их нестабильных душевных состояниях, доходящих порой до тяжелых психических расстройств.

Ключевые слова и фразы: турецкая беллетристика; Хакан Гюндай; романы «Вред» и «Еще»; система образов; историческая и остросоциальная проблематика; хронотоп.

Репенкова Мария Михайловна, д. филол. н., доц.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

mtrepenkova@rambler.ru

Сюжетно-композиционные особенности романистики Хакана Гюндая

Актуальность темы исследования обусловлена значительным ростом беллетристической составляющей на литературном поле Турции за последние двадцать лет. Такие известные писатели-беллетристы, как З. Ливанели, А. Умит, С. Кайгусуз, Х. Гюндай, А. Кулин, Т. Киремитчи, не просто занимают первые строчки в рейтингах продаваемости книг, но и определяют художественное сознание национальной литературы. Их книги посвящены насущным проблемам современного турецкого общества (бедность и неграмотность простого народа, тяжелые условия службы в армии и дедовщина, коррупция верховной власти и т.п.), исторически значимым событиям в жизни страны (младотурецкая революция 1908-1909 гг., национально-освободительная война 1918-1923 гг., Вторая мировая война и т.п.). Творчество Х. Гюндая неоднозначно оценивается турецкими литературоведами. Причиной тому разговорный язык улицы (обценная лексика), которым писатель насыщает свои произведения.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, рассмотреть творческую биографию Х. Гюндая; во-вторых, проанализировать образы центральных персонажей в романе «Вред» на фоне сложной пространственно-временной структуры произведения; в-третьих, обосновать структурную схожесть главных героев романов «Вред» и «Еще»; в-четвертых, исследовать сюжетно-композиционные особенности романа «Еще».

Для осмысления архитектуры романов Х. Гюндая в статье применяются следующие **методы исследования**: биографический и культурно-исторический, позволяющие вписать данного автора в контекст современной турецкой литературы.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных литературоведов Н. А. Купиной, М. А. Литовской, Н. А. Николиной, М. А. Черняк, В. Д. Черняк, посвященные истории русской беллетристики XIX-XXI вв., особенностям художественной парадигмы современной российской беллетризованной прозы (актуальность проблематики, четко выраженная авторская позиция, цитатность, интертекстуальность и др.) [1-4], а также публикации турецких филологов и литературных критиков Йылдыз Эджевит [6], Семиха Гюмюша [7], Эмель Мерьем Парлак [11], в которых рассматривается проблематика романистики Х. Гюндая.

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемое в статье содержание двух нашумевших романов Х. Гюндая и анализ их архитектуры могут быть использованы для написания работ по современной турецкой литературе (статьи, монографии и учебники), могут быть применены и в педагогической деятельности при чтении лекций по литературам стран Ближневосточного региона.

Х. Гюндай – один из известных современных турецких беллетристов. Он родился 29 мая 1976 г. на острове Родос. Начальную школу Х. Гюндай закончил в Бельгии. Стал выпускником лицея имени Тевфика Фикрета в Анкаре. Был зачислен на переводческое отделение (французский язык) филологического факультета университета Хаджеттепе (Анкара). Но через год уехал в Бельгию и поступил на отделение политических наук Брюссельского свободного университета (Universite Libre de Bruxelles). Завершил высшее образование в Анкарском государственном университете на факультете политических наук.

Х. Гюндай – автор известных романов: «Киньяс и Кайра» (Kinyas ve Kayra, 2000), «Сарган» (Zargana, 2002), «Выродок» (Piç, 2003), «Увольнение со службы. Жизнь, проходящая между гениальностью и сумасшествием» (Azil, Deha Ve Delilik Arasında Seyreden Bir Hayat, 2007), «Вред» (Ziyan, 2009), «Мало» (Az, 2011), «Снег покрыл следы» (Kar İzleri Örttü, 2012), «Еще» (Daha, 2013) и др. В 2005 г. Х. Гюндай издал первую пьесу «Оправда/Сердечник» (Malafa, 2005), а в 2020 г. совместно с художником-иллюстратором Эмре Орхунум – первый роман-комикс «Крови, колено, крови» (Kana Diz Kana). Роман «Вред» в 2009 г. получил турецко-французскую литературную премию. Роман «Мало» в 2011 г. получил премию «Лучшее сочинение года» от турецкого журнала «Dünya Kitap». В 2015 г. роман Х. Гюндая «Еще», переведенный на французский язык, получил французскую

премию Prix Médicis за лучший иностранный роман 2015 г. Этот же роман стал первой турецкой книгой, которая была отмечена на книжном Берлинале, проходившем в рамках Берлинского кинофестиваля в 2014 г.

Творчество Х. Гюндая не раз становилось объектом исследования в трудах турецких литературоведов и литературных критиков [5; 10; 11]. Семих Гюмюш отмечал остроту социальных проблем, затрагиваемых молодым автором в большинстве своих романов. При этом литературовед подчеркивал и необычную структуру его произведений, где автор «играет словами в названиях романов», что делает эти названия «более емкими и насыщенными смыслами» [7]. Йылдыз Эджевит также подчеркивала неординарность таланта Х. Гюндая. По ее мнению, писатель поднимает в своих произведениях «одну из важнейших проблем современности – одиночество личности, приводящее к трагедийной расщепленности сознания» [6].

Роман «Вред» имеет сложную сюжетно-композиционную структуру. Он состоит из трех повествовательных пластов, вписанных в пространственно-временной континуум произведения. Первый пласт настоящего принадлежит солдату срочной службы Асилю Конушчу, который описывает свою нелегкую жизнь в армии. Второй пласт прошлого принадлежит историческому лицу Зие Хуршиду (1892 – 14 июля 1926 г.), который участвовал в покушении на лидера турецкого государства Мустафу Кемалю Ататюрка в 1926 г. Во втором пласте описывается жизнь Зии Хуршида (юность, учеба в Германии, возвращение на родину, участие в революционном движении). Третий пласт принадлежит безличному повествователю. В третьем пласте описывается и настоящее солдата Асиля, и прошлое революционера Зии, участвовавшего в заговоре против Ататюрка. В то же время все три пласта можно трактовать как записи одного и того же человека – солдата Асиля Конушчу, представляющего себя в разных ипостасях из-за своего психического нездоровья.

Роман открывают дневниковые записи солдата жандармерии Асиля Конушту, в которых повествуется о последних шести месяцах его пребывания в армии. Становится ясно, что Асиль пишет одновременно от своего лица и от лица Зии Хуршида, который якобы является к нему во время его боевых дежурств в сторожевую будку и рассказывает о бурно прожитой им жизни: о сражениях на полях национально-освободительной войны и о первых годах построения республики. Он был участником Эрзерумского конгресса (23 июля 1919 г.) в составе делегации от Трабзона. Он был депутатом от Лазистана в Национальном меджлисе первого созыва [9, s. 233]. Знал Ататюрка, работал в иностранной комиссии меджлиса [Ibidem, s. 233-239]. Он же впоследствии перешел в оппозицию к кемалистам (стал членом Прогрессивной республиканской партии (Terakkiperver Cumhuriyet Fırkası)) [Ibidem, s. 262] и участвовал в июне 1926 г. в измирском покушении на Ататюрка. Жизнь Зии Хуршида, который приходит к солдату из далекого прошлого, комментируется Асилем. Событиям прошлого выносятся оценки солдатом из настоящего. Иными словами, эта жизнь приводится в романе сквозь призму восприятия современного молодого человека. В то же время автор всячески стремится создать впечатление того, что Хуршид говорит о себе сам, а Асиль лишь комментирует его слова. Встречи Асиля и Хуршида происходят с нулевой по десятую главу. Но отчет глав идет в обратную сторону. Ноль – это день, когда солдат должен был мобилизоваться из армии. По сути, каждая глава – это время, остающееся до мобилизации.

В третьем повествовательном пласте, где главенствует безличный повествователь, рассказывается о том, как Асиль воображает свой приход в прошлое к Зие Хуршиду. Повествователь вступает в действие, начиная с нулевой точки, от которой время сначала останавливается, а потом продолжает идти вспять, «в минус», в далекий 1926 г. Мобилизоваться из армии солдату Асилю не удастся, поскольку он оказывается в тюрьме за убийство, и теперь его пространство ограничено уже не просто забором воинской части, а стеной тюремной камеры. Безличный повествователь описывает каждый день Асиля и его воображаемое посещение в прошлом Зии Хуршида: приходы Асиля в номер гостиницы Зии и уговоры сдать власть [Ibidem, s. 279], принятие Зией уговоров Асиля и увещевание уже самим Зией одного из заговорщиков донести на всех в полицию, арест всех причастных к несостоявшемуся покушению на Ататюрка, заключение в тюремной камере Зии, суд и казнь заговорщиков. Одновременно безличный повествователь буквально развенчивает некоторые истории Зии Хуршида, говоря о том, что они были лишь плодом воображения самого Асиля [Ibidem, s. 304]. Он критикует Асиля и за то, что солдат по глупости искалечил свою жизнь и попал за решетку. Как уже отмечалось, по сути, и этот повествовательный пласт тоже принадлежит солдату Асилю, поскольку все повествование – это его записи в небольшом блокноте.

Асиль Конушту – психически нездоровый человек. Когда он стоит в наряде в сторожевой будке на холоде в минус 26-30 градусов в отдаленном восточном районе страны, где пространство воинской части отгорожено с одной стороны тюрьмой, а с другой – безбрежными снегами и горами, он принимает решение совершить самоубийство. Но в это же время его начинают посещать видения его дальнего родственника Зии Хуршида, повешенного кемалистами в июле 1926 г. Асиль является внучатым племянником Хуршида, о чем в семье солдата всегда замалчивалось, как будто бы Зии Хуршида вообще не было на свете [Ibidem, s. 265]. Зия беседует с Асилем, отговаривает его от самоубийства и рассказывает о своей жизни (учеба в Германии, влюбленность в Янину, знакомство с немецким художником Георгом Гроссом, чтение книги Ницше «Се человек» («Вот человек» (Esse Homo)), участие в национально-освободительной войне, спасение отца и старшего брата, работа в первом созыве турецкого парламента, знакомство с Ататюрком, переход в оппозицию из-за разногласий с лидером страны, чей культ личности становится все более явственен, разгром оппозиции кемалистскими властями, подготовка к покушению на Ататюрка группы заговорщиков, арест заговорщиков властями, смертная казнь Хуршида и др.). Из записей Асиля становится ясно, что он сам ушел со второго курса университета, когда начал по ночам видеть один и тот же кошмар после прочтения книги Ницше «Esse Homo». Кошмар связан с тем, что он якобы убивает из пистолета Ататюрка [Ibidem, s. 272-273]. В 18 лет он попал в армию на восток страны, в те районы, где вели боевые действия курдские сепаратисты. Асиль с трудом переживал невыносимые условия жизни: холод, голод, бесконечные караульные дежурства, издевательства командиров. Здесь солдаты превращались буквально в зверей, вынужденных бороться за собственное выживание.

Проблема тяжелых условий службы на востоке страны не нова и актуальна для турецкой беллетристики. Она раскрывается в романе З. Ливанели «Счастье» (Mutluluk, 2002), в котором одна из сюжетных линий посвящена солдату Джемалю, служившему в подразделении спецназа в горах на юго-востоке Турции. Тяжесть бытовых условий, суровость климата и смертельная опасность в борьбе с курдскими партизанами психически надломил парня, сделали из него «духовного инвалида».

В романе Х. Гюндая показано, как невыносимые условия существования, лишаящие людей человеческого облика, толкают солдат жандармерии на совершение убийства. В одно из дежурств Асиль вместе с тремя товарищами убивает сержанта-специалиста, не позволившего солдатам зайти в сторожевую будку и погреться у печки-буржуйки. Точнее убивает не Асиль, а Шамиль. Но Асиль предлагает сжечь труп, закопать его подальше от части в снегу и таким образом уничтожить следы. Они так и поступают, потом спокойно встречают пришедший им на смену караул. Однако специалиста очень скоро начинают искать, и преступление открывается. Всех четверых сажают в тюрьму, Асиль получает восемь лет заключения. Сидя в тюремной камере, он переносится в прошлое страны, в 1920-е гг., и представляет себя уговаривающим Зию Хуршида не совершать убийства Ататюрка и сдать властям. Асиль считает, что ему удастся убедить своего родственника, но власти оказываются суровыми по отношению к заговорщикам, несостоявшимся убийцам. Они выносят им решение о казни через повешение. События 1926 г. и измирское покушение на Ататюрка становятся темой и романа А. Умита «Прощай, моя прекрасная родина» (Elveda Güzel Vatanım, 2015). Эта тема рассматривается как пример уничтожения оппозиции кемалистским руководством страны. В романе герой, бывший иттихадист, разочаровавшись в идеалах революционной борьбы, в ноябре 1926 г. в номере стамбульского отеля «Пера Палас» пускает себе пулю в лоб.

Как уже отмечалось, структурно главы романа располагаются под номерами, которые представлены в обратном порядке: от 10 до 0 – служба Асиля Конушту в армии. Ноль – это дата, когда солдат должен был демобилизоваться, ее он проводит уже в тюрьме. И далее от 0 до -23, когда он сидит в тюрьме и продолжает писать дневник уже не в той тетради, которая была у него в армии, а в блокноте, который ему принес военный психиатр в камеру. В минусовых записях он выступает безличным повествователем и говорит о том, что многие события о жизни Зии Хуршида солдат придумал сам, особенно это касается жизни Зии в Германии. Развенчиваются безличным повествователем и последние месяцы жизни Зии Хуршида, связанные с покушением на Ататюрка, в котором якобы Зия выступал организатором. Исторически доказано, что в измирском покушении Хуршид не был главным действующим лицом. Организаторами являлись Сары Эфе Эдип и Абдюлькадир, которые накануне покушения покинули Измир [Ibidem, s. 310]. Это напугало другого заговорщика Гиритли Шевки, который и донес о готовящемся покушении властям. Далее, на суде участников заговора официально помиловали. Лишь на следующий день в камере Зие Хуршиду сообщили решение об их смертной казни.

Название романа можно трактовать как вред, который наносит человеку окружающая его несправедливая действительность. Она калечит человека, делает его духовным и психическим инвалидом (человеком с изъяном). Заставляет «раздваиваться» (я – не я, я – другой), что в конечном итоге приводит к трагедии (смерти, тюремному заключению). Раздвоение личности Асиля (он экстраполирует на себя личность Зии) расценивается солдатом как то, что в него вошла мятежная душа его предка. Он решил, что может сам разрешить вопрос, связанный с несправедливыми порядками в армии. Поэтому участвовал в убийстве сержанта. В свое время Зия также решил сам разрешить проблему культа личности Ататюрка, постепенно превращавшегося в диктатора. Однако вторым важнейшим вопросом произведения звучит вопрос о праве человека лишать жизни другого.

Роман «Еще» в сюжетно-композиционном отношении близок к роману «Вред». Повествование также представляет воспоминания двадцатитрехлетнего психически нездорового юноши по имени Газа, который слышит голоса и разговаривает с невидимым собеседником. Газа с девяти лет оказывается вовлеченным в преступный бизнес своего отца Ахада, занимавшегося транспортировкой нелегальных мигрантов из Ирана, Ирака, Сирии, Афганистана, Ливии и др. стран через Турцию в Грецию, а далее в страны Западной Европы. Мигрантов группами по 30-50 человек перевозили через границы грузовики-ТИРы, принадлежавшие главе преступной группировки Арузу. Он перевозил нелегалов через всю страну на запад, в район Измира, где живой товар передавался отцу и сыну, проживавшим в небольшом поселке Кандалы недалеко от Измира. Отец имел грузовик-фургон с железным кузовом, запирающимся на замок. Официально отец в грузовике перевозил овощи и фрукты, а его фирма называлась «Логистика Ахада – грузоперевозки свежих овощей и фруктов» [8, s. 63]. В этом кузове грузовика под прикрытием властей городка и осуществлялась дальнейшая транспортировка нелегалов до побережья Эгейского моря, чтобы их далее на судах переправить в Грецию. Некоторых мигрантов отправляли в Стамбул, где они работали либо на текстильном производстве, либо в криминальном бизнесе (женщины становились проститутками) [Ibidem, s. 28]. На какое-то время мигрантов прятали в подвале сарая Ахада. Под сараем был построен громадный резервуар/подвал для воды, оборудованный для проживания нелегалов. За нелегалами в подвале следил мальчик Газа, подвергавшийся со стороны мигрантов издевательствам и даже насилию. После недельных отсидок нелегалов в подвале отец с сыном на грузовике отвозили их в район Измира, откуда их забирали судна двух греческих капитанов Дардора и Хармина (имена ненастоящие, они сами себе их придумали, уподобляясь средиземноморским корсарам). В преступную группировку были вовлечены начальник жандармерии района – главный сержант Йадыгяр и глава муниципалитета городка, которым Ахад регулярно давал взятки.

Отец Газы был человеком жестоким. «Ради дела» он мог запросто убить любого, кто представлял опасность для его бизнеса, и он это делал неоднократно. Особенно это касалось нелегалов, которые во время опасного путешествия на Запад гибли, и нередко по вине Ахада. Для него главным оставались деньги. Безжалостность, жестокость Ахада свели в могилу мать Газы. Отец во время беременности бил женщину цепями. Она ненавидела мужа и еще не родившегося ребенка, которого она, родив, решила закопать живым на кладбище. Отец помешал

ей это сделать, после чего убил, всем же (в том числе выросшему сыну) сказал, что она убежала от него в поисках лучшей жизни [Ibidem, s. 185]. Ее труп Ахад закопал под деревом в своем саду. Через девятнадцать лет Газа, уже после смерти отца, нашел останки матери, которую узнал по платью. Это было ее единственное платье, в нем она была запечатлена на фотографии, известной Газе. Рядом с трупом матери Газа нашел железный сейф отца, в котором тот (уже погибший в автокатастрофе) хранил все свои «заработанные» деньги.

Так же, как и герой романа «Вред», герой этого романа оказался косвенно причастным к гибели людей: один нелегал из Афганистана по имени Джума из-за мальчика задохнулся в кузове машины; другой нелегал-афганец по недосмотру Газа был убит в подвале своими же соотечественниками. Но самое главное – из-за Газа погибли отец и пятьдесят человек нелегалов, которых отец с сыном в грузовике перевозили к морю. Газа еще тогда не знал, что отец ее убил. Однако Газа догадывался, что отец издевался над матерью, и обвинял его в этом. Разнервничавшийся отец оторвал взгляд от дороги, и грузовик врезался в скалу. На горной дороге погибли все, кроме Газы. Он скатился в пропасть, и на него упала гора трупов афганцев из открывшегося кузова машины. Без еды и питья пятнадцатилетний мальчик пролежал 13 дней, после чего его нашел пастух и сообщил властям. Газа попал в больницу, сознание его помутилось. Он с трудом мог себя контролировать. Прокурор попросил Газу рассказать властям о преступной деятельности отца и всей группировки. Мальчик же по малолетству был признан непричастным к преступлениям и отправлен в Стамбул для продолжения учебы в интернате. Главу жандармов с главой муниципалитета городка арестовали.

Далее жизнь Газы, как и жизнь героя романа «Вред», развивалась постоянно в замкнутом, ограниченном пространстве: учеба в стамбульском интернате, затем в частном лицее, жизнь в общежитии, в палате психбольницы Анкары, в подвале сарая в Кандалы (в то время в 19 лет он нашел спрятанные в саду отцом деньги и уехал навсегда из отчего дома), в номерах гостиниц Измира. Прогрессировала и болезнь Газы: он не мог дотрагиваться до людей и не позволял дотрагиваться до себя; не мог оставаться наедине с человеком, не мог разговаривать с людьми. Если кто-то случайно его касался, то это приносило ему ужасную боль, он начинал дрожать и кричать [Ibidem, s. 292]. Поэтому Газа предпочитал изоляцию от людей. Успокоение приносили лишь таблетки морфина сульфата (анальгетик на основе опиума).

Всю жизнь Газы определяло слово «еще». По-турецки оно звучит как “daha”. Это было единственное слово, которое знали нелегалы, перевозимые отцом в грузовике. Они протягивали руки из грузовика и, крича: «Еще!», просили воды. Газа постоянно слышал это слово, и сидя около подвала с нелегалами в собственном доме. Лежа 13 дней под трупами среди скал, Газа слышал, как кто-то рядом кричит: «Еще!», и был уверен, что не он один выжил в автокатастрофе. Но автор романа играет словами. Имя отца мальчика Ахад (Ahad). Если прочитать это слово в обратную сторону, то получится “dahā”. Именно отец и нелегалы искалечили жизнь ребенка, сделали его духовным инвалидом. Он всю жизнь стремился убежать от отца и от его бизнеса, но этот бизнес сломал его жизнь, он замкнулся в своей болезни и стал ходячим трупом (без настоящего, будущего и прошлого). В конце романа остается неясным, погиб Газа или остался в живых, поскольку в него из автомата Калашникова стрелял маленький мальчишка-афганец в афганской долине Бамиан, где талибами были взорваны знаменитые гигантские статуи Будды.

Газа не просто слышал голоса внутри себя, он страдал от того, что не мог жить среди людей, не мог социализироваться. Он старался изучать людей. Один из его опытов по изучению людей начался еще в 15 лет, когда он сидел в сарае и наблюдал посредством видеокамер и компьютера за несколькими десятками афганцев в подвале. Он подстроил все так, чтобы нелегалы-афганцы выбрали среди себя главного. Им оказался бывший студент Растин. Вместе с ним Газа и производил опыты над людьми в течение двух недель, пока отец уехал договариваться о поставке нового товара. Управление Растина и Газы нелегалами (они разыгрывали то демократию, то диктатуру) [Ibidem, s. 125-126] привело к тому, что обитатели подвала построили свою жизнь на основе злобы, зависти, издевательств друг над другом, а в конечном итоге забили насмерть одного из своих соотечественников. Это жутко разозлило Ахада, когда тот вернулся домой и узнал, что «товар» испорчен.

Другой опыт героем был осуществлен уже в более зрелом возрасте, после того как Газа стал свидетелем линчевания бывшего преступника на измирской площади толпой горожан. Позже он отправился в тур по миру (Тур линча) [Ibidem, s. 381]: Ближний Восток, Северная Африка, Балканы, материковая Европа, Англия, – где старался найти и изучить случаи расправы людей над своими соотечественниками. В Англии он даже погнался за арабским мальчиком вместе с подвыпившими друзьями из паба, чтобы совершить над ним самосуд. Но, догнав первым мальчика, только до него дотронулся и отпустил. Последней поездкой Газы стала поездка в Афганистан, в Бамианскую долину, в которой талибы взорвали две гигантские статуи Будды. Газа стоял в нишах статуй, и в нем снова заговорил афганец Джума, голос которого не слышал с самого детства. Тот благодарил Газу за то, что он привез его на родину. Вдруг Газа увидел напротив себя пятнадцатилетнего мальчика с автоматом Калашникова в руках. Мальчик выстрелил ему в плечо. Казалось ли это Газе или на самом деле – трудно определить. Это могло быть очередное видение. Видение самого себя в детстве. А могла быть и настоящая смерть, принятая им от афганского подростка.

Таким образом, мы приходим к следующим *выводам*. Вся сюжетно-композиционная структура романов «Вред» и «Еще» направлена на выявление основной проблемы – болезненное состояние одиночества человека в этом мире и «расщепление» на этом фоне человеческого сознания. Оба главных героя психически нездоровы. Оба ведут мысленные разговоры с вымышленными собеседниками. Оба приходят к мысли о самоубийстве, от которой их отвлекают внешние обстоятельства. Оба становятся невольными причинами смерти других людей, что еще больше усугубляет их внутренние страдания. Основная проблема реализуется в необычном хронотопе обоих романов: локализованном, замкнутом пространстве (военная часть, тюрьма, подвал,

психиатрическая клиника, номер отеля), где время течет вспять. Необычность сюжетно-композиционной организации романов выделяет творчество Х. Гюндая среди других турецких беллетристов, которые, как правило, более консервативны в выборе художественно-изобразительных средств. Выводы статьи позволяют определить и направление дальнейших исследований – изучение остальных романов Х. Гюндая в аспектах речевых жанрообразующих средств и лингвокультурологических характеристик.

Список источников

1. **Купина Н. А., Литовская М. А., Николина Н. А.** Массовая литература сегодня: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2010. 423 с.
2. **Черняк В. Д., Черняк М. А.** Массовая литература в понятиях и терминах: учебный словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2018. 191 с.
3. **Черняк М. А.** Массовая литература XX века: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2009. 429 с.
4. **Черняк М. А.** Проза цифровой эпохи. Тенденции, жанры, имена: учебное пособие. М.: Флинта, 2018. 326 с.
5. **Az – Hakan Günday** [Электронный ресурс]. URL: <https://hosvakit.wordpress.com/2012/05/31/az-hakan-gunday/> (дата обращения: 03.05.2020).
6. **Ecevit Y.** Kurmaca Bir Dünyadan. İstanbul: İletişim Yayinevi, 2013. 404 s.
7. **Gümüş S.** Romanın Şimdiki Zamanı. İstanbul: Can Sanay Yayınları, 2014. 176 s.
8. **Günday H.** Daha. İstanbul: Doğan Kitap, 2013. 417 s.
9. **Günday H.** Zıyan. İstanbul: Doğan Kitap, 2009. 320 s.
10. **Hakan Günday Hakkında Yorumlar** [Электронный ресурс]. URL: <https://kidega.com/yazar/hakan-gunday-003674> (дата обращения: 03.05.2020).
11. **Parlak E. M.** Hakan Günday – Zıyan [Электронный ресурс]. URL: <https://www.haber61.net/hakan-gunday-zıyan-makale,4116.html> (дата обращения: 05.05.2020).

Storyline and Compositional Peculiarities of Hakan Günday's Novelism

Repenkova Mariya Mikhailovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
mmrepenkova@rambler.ru

The paper considers architectonics of two most famous novels by Hakan Günday “Zıyan” (“The Harm”) (2009) and “Daha” (“More”) (2013). The article analyses the novels’ chronotope, shows how specificity of spatial-temporal arrangement influences formation of the key personages’ images, justifies the thesis that H. Günday’s novelism belongs to the fictionalized prose genre. Scientific originality of the research lies in the fact that H. Günday’s novelism has not been previously investigated in the domestic Turkish studies. The following conclusions are justified: H. Günday is one of the most outstanding Turkish prose writers of the XXI century; acute social problematics of his works correlates with problematic fields of other representatives of the national fictionalized prose (Zülfü Livaneli, A. Ümit); when developing the main personages’ images, the writer focuses on their unstable psychical states often resulting in severe psychic disorders.

Key words and phrases: Turkish fiction; Hakan Günday; novels “Zıyan” (“The Harm”) and “Daha” (“More”); system of images; historical and acute social problematics; chronotope.

УДК 821.112.2

Дата поступления рукописи: 13.04.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.19>

Цель исследования – определить возможные модели, традиции и принципы воспитательной концепции католических школ-интернатов. В статье рассмотрены вопросы о том, какие социокультурные модели, традиции и принципы лежат в основе концепции воспитания католических школ-интернатов и какие следы они оставляют в литературном преломлении. **Научная новизна** работы заключается в подходе к изучению произведения австрийской писательницы Барбары Фришмут с точки зрения влияния религии на воспитание подрастающего поколения. Автор приходит к **выводу** о том, что такие учреждения, как школы или интернаты, представляют собой микроверсию общества, и, таким образом, школьные и интернатские тексты не только описывают индивидуальные судьбы, но и всегда следуют общественно-культурным событиям своего времени.

Ключевые слова и фразы: Барбара Фришмут; монастырская школа; воспитание; австрийская литература; религия.

Трофимова Людмила Владимировна, к. филол. н.
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
tlv1981@mail.ru

Тема религиозного воспитания в романе Барбары Фришмут «Монастырская школа»

В исследованиях по истории австрийской литературы Барбаре Фришмут (1941) обычно отводится место среди таких авторов, которые, как правило, ассоциируются с немецкоязычной литературой XX века (Т. Бернхард,